

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Екатерина Анатольевна Родина

*Помощник Урюпинского межрайонного прокурора Волгоградской
области, юрист 3 класса*

E-mail: rodina-caterina2010@yandex.ru

Понятия «жертва» и «потерпевший» в виктимологии: содержание и соотношение

Аннотация: актуальность работы обусловлена тем, что в настоящее время в теории отсутствует единый подход к определению круга субъектов, которые могут выступать потерпевшими. Между тем от объема содержания данного понятия зависит содержание мер предупредительного характера. Предметом работы выступают положения криминологической теории, уголовного, уголовно-процессуального и административного законодательства о сущности и содержании понятия «потерпевший». Цель работы – определить объем содержания понятий «потерпевший» и «жертва», установить их соотношение. При написании работы использованы общенаучные методы познания: анализ, синтез, индукция, дедукция, логический, системный и ряд других.

Новизна статьи состоит в том, что автор осуществил комплексный анализ подходов к понятию «потерпевший» в теоретической литературе, различных нормативных актах и обосновал авторскую позицию по рассматриваемой проблеме. В работе показано, что подход к понятию «потерпевший» в криминологии с точки зрения уголовно-процессуального понимания этого термина, неоправданно узок, не отвечает задачам виктимологической профилактики. Предпочтительным представляется определять содержание данного понятия, основываясь на положениях уголовного законодательства. Обосновывается позиция, в соответствии с которой включение государства в круг потерпевших чрезмерно расширяет и размывает предмет виктимологической профилактики и приводит к неоправданной политизации этой научной дисциплины. Основной вывод состоит в том, что круг потерпевших в виктимологии необходимо ограничивать физическими и юридическими лицами, включая в их число как тех, кто признан

потерпевшим в рамках уголовного процесса, так и тех, кто по каким-либо причинам не наделен соответствующим процессуальным статусом, но фактически потерпел ущерб от совершенного преступления.

Ключевые слова: виктимология, криминология, жертва, потерпевший, физическое лицо, юридическое лицо.

Ekaterina Anatol'evna Rodina

Assistant of the Uryupinsky inter-district prosecutor of the Volgograd region, lawyer of the 3rd class

The Concept of “Victim” and “Injured Person” Notions in Victimology: Content and Correlation

Annotation: *the relevance of the article is served by the fact that there is no unified approach to define the range of actors who can be recognized as the injured persons. Meanwhile, the content of preventive measures depends on the volume of content of this concept. The subject of the article is represented by the provisions of the criminological theory, criminal procedure and administrative legislation on the nature and content of the concept of “victim”. The purpose of the work is to determine the scope of the concepts of “victim” and “injured person” and to establish their relationship. The author uses such general scientific methods of cognition as: analysis, synthesis, induction, deduction, logical, systemic and a number of others.*

The newness of the article is realized through the authorial comprehensive analysis of approaches to the understanding the concept of “injured person” in the theoretical literature and various regulatory acts. The author substantiates his own position towards this issue. The author shows that the approach to the definition of the term “injured person” from the procedural point of view is unjustifiably strict and doesn't correspond the aims of victimological prevention. The author explains that it is preferable to define the context of this notion basing upon provisions of criminal legislation; the author justifies that the position when the state is being inside the range of victims excessively enlarges the subject of victimological prevention and leads to unjustified politicization of this scientific discipline. The main conclusion is that the circle of victims in victimology should be limited to individuals and legal entities, including those who are recognized as victims of the criminal process, and those who for some reason are not given the appropriate procedural status, but actually suffered damage from the committed crime.

Keywords: victimology, criminology, victim, injured person, natural person, legal person.

Важным элементом правовой культуры общества, свидетельствующим о ее высоком уровне, является единообразие применяемой терминологии. К сожалению, это не относится в полной мере к таким базовым понятиям виктимологии, как «жертва» и «потерпевший». Иногда эти понятия предлагается использовать как синонимы, имея в виду, что оба относятся к преступлению. Поэтому в криминологических исследованиях более точно было бы говорить о «жертве преступления» или «потерпевшем от преступления». Содержание этих понятий и их соотношение между собой определяются по-разному.

В русском языке значение термина «жертва» (лат. *viktima*) определяется как приносимый в дар божеству предмет или убиваемое живое существо, кто-либо страдающий от насилия, несчастья, неудачи [1, с. 269]. Мифологический и религиозный подтекст данного термина объясняется тем, что отдельные типы жертв, выделяемые в теории виктимологии, имеют прообразы в мифологических или религиозных сюжетах (например, Эдипова жертва, синдром Авеля и т. п.) [2, с. 9–10].

Этимология термина «потерпевший» в этимологических словарях не рассматривается, видимо, в силу ее очевидности. Толковый словарь В. Даля содержит определение слова «потерпеть» – претерпеть, понести на себе, испытать, вынести тягость, бедствие [3, с. 350–351].

В истории уголовного законодательства России этот термин появляется в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., при этом слово «потерпевший» всегда сопровождается уточнением, от чего или что лицо потерпело. Например, в ст. 1712 предписывается «потерпевшему от того убыток предоставляется искать на виновном удовлетворения установленным порядком» [4, с. 364]. В ст. 177 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. наказание для виновного в присвоении или растрате чужого имущества смягчается, если «растрата была совершена по легкомыслию и виновные добровольно обязываются вознаградить потерпевшего убыток» [4, с. 464].

В уголовных законах советского периода термин «потерпевший» упоминается так же, как и в действующем УК РФ, без дополнительных уточнений. В настоящее время это понятие можно рассматривать в качестве правового. Оно часто встречается в статьях Общей и Особенной частей УК РФ. Соответствующие дефиниции имеются в УПК РФ и КоАП РФ.

В соответствии с положениями ст. 42 УПК РФ потерпевшими

могут быть физические лица, которым преступлением был причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридические лица, если преступление причиняет вред их имуществу или деловой репутации.

В части 1 ст. 25 КоАП РФ указано, что потерпевшими от административных правонарушений могут быть как физические, так и юридические лица, которым административным правонарушением причинен физический, имущественный или моральный вред.

Как видим, имеется небольшое формальное отличие в определении потерпевших по делам об административных правонарушениях и о преступлениях: в КоАП РФ ими могут быть юридические лица, которым может быть причинен физический вред, а в УПК РФ возможен только имущественный или репутационный ущерб.

Анализируемый термин применяется и в гражданском законодательстве. Например, в ст. 1101 ГК РФ размер компенсации устанавливается в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий.

В теоретической литературе было высказано мнение о том, что в криминальной виктимологии оправдано использование как равнозначных понятий «потерпевший» и «жертва преступления», однако при обозначении жертв-носителей криминально обусловленной и тем более реализованной виктимности предпочтительным является термин «потерпевший» [5, с. 34]. Основатель отечественной виктимологии Л. В. Франк допускал использование синонимов слова «потерпевший», в особенности, термина «жертва» для более точного описания отдельных смысловых нюансов фигуры потерпевшего от преступления [6, с. 9]. Однако в праве последнее понятие не является однозначно определенным.

В УК РФ в большинстве случаев термин «потерпевший» применяется по отношению к физическим лицам, причем во многих случаях — исключительно к этой категории. В частности, среди смягчающих обстоятельств предусмотрены противоправность или аморальность поведения потерпевшего, явившиеся поводом для преступления (п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ), и оказание медицинской и иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Среди отягчающих обстоятельств предусмотрено совершение преступления с особой жестокостью, садизмом, издевательством, а также мучениями для потерпевшего (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Ряд норм Особенной части УК РФ предусматривает в качестве квалифицирующих признаков наступление последствий, характерных только для физических лиц: убийство в состоянии

аффекта (ст. 107 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), и т. д.

В ряде случаев в качестве потерпевших упоминаются наравне с физическими лицами организации, общество и государство (например, при злоупотреблении должностными полномочиями в ст. 285 УК РФ).

Название главы 20 УК РФ «Преступления против семьи и несовершеннолетних» свидетельствует о том, что в качестве потерпевших от преступлений могут выступать и семьи.

Таким образом, в УК РФ имеется указание на то, что вред от преступления может быть причинен широкому кругу потерпевших. Вместе с тем следует помнить о том, что в конструкции уголовно-правовых норм законодатель решает, прежде всего, не терминологические проблемы виктимологии, а специфические задачи. Указание на последствия как обязательный признак объективной стороны материальных составов преступлений является способом конкретизировать объект посягательства и степень его опасности. Как указывает в связи с этим А. В. Наумов, законодатель избирает способ конструирования объективной стороны с учетом и в зависимости от характера и специфических особенностей общественной опасности соответствующего преступления [7, с. 192].

Теоретиками уголовного права отмечается, что уголовно-правовое содержание понятия потерпевшего не совпадает с уголовно-процессуальным [8, с. 45–46]. В уголовном праве фигура потерпевшего возникает с момента наступления предусмотренных объективной стороной состава последствий, а в формальных составах — с момента совершения деяний, указанных в диспозиции статьи. В уголовно-процессуальном праве потерпевший появляется значительно позже — лишь с момента возбуждения уголовного дела и оформления соответствующего постановления либо с момента получения данных о лице, которому преступлением был причинен вред (ч. 1 ст. 42 УПК РФ).

Однако даже в УПК РФ в ряде случаев это понятие используется в уголовно-правовом смысле. Например, в ч. 3 ст. 20 УПК РФ указывается, что уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются только по заявлению потерпевшего. Вместе с тем, как отмечает Д. В. Шаров, до возбуждения уголовного дела лицо не может быть признано потерпевшим в порядке ст. 42 УПК РФ. Следовательно, в данном случае речь может идти о понимании потерпевшего только в уголовно-правовом смысле [9, с. 79–81].

Следует иметь в виду, что в ряде случаев при совершении преступления уголовные дела не возбуждаются. Статья 24 УПК РФ содержит

перечень соответствующих оснований: истечение сроков давности уголовного преследования; смерть подозреваемого, обвиняемого; отсутствие заявления потерпевшего, в случаях когда это является необходимым условием возбуждения уголовного дела, и т. д. Таким образом, в уголовно-процессуальном смысле потерпевший не фигурирует, в то время как фактически (в уголовно-правовом смысле) он есть.

Из изложенного следует, что виктимологическое понятие «потерпевший» не может быть связано с аналогичным понятием в уголовном процессе. Одновременно ошибочным представляется утверждение о том, что впервые жертва, а точнее, потерпевший как субъект правоотношений возникает в уголовном процессе [10, с. 19].

С виктимологической точки зрения важно разграничить также понятие потерпевшего в административном и уголовно-процессуальном законодательстве. Несмотря на то, что криминальная виктимология обращается, преимущественно, к изучению жертв преступлений, реалии современного права таковы, что мы вынуждены выходить за границы преступного поведения. В частности, в теории уголовного права активной и обоснованной критике подвергается институт административной преюдиции [11, с. 64–71]. Однако законодатель в последнее время последовательно расширяет ее использование в качестве криминообразующего признака отдельных составов преступлений. Например, условием уголовной ответственности по ст. 158.1 УК РФ является совершение мелкого хищения лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Исходя из содержания диспозиции ст. 158.1 УК РФ, одни и те же граждане в некоторых случаях могут быть потерпевшими от административного правонарушения, а если имеет место административная преюдиция, то, одновременно, и от преступления. Таким образом, виктимологическая информация о жертве преступления и о процессах ее виктимизации актуальна и для жертв правонарушений.

Следует также иметь в виду, что в отличие от УПК РФ, в КоАП РФ не предусмотрено специальной процедуры для признания лица потерпевшим. Соответствующая информация указывается в протоколе об административном правонарушении в соответствии с ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ либо в постановлении прокурора о возбуждении дела об административном правонарушении в соответствии со ст. 28.4 КоАП РФ. В теории административного права существует мнение, в соответствии с которым появление фигуры потерпевшего не связано с процессуальными действиями, а обусловлено реальным причинением вреда совершением административного правонарушения [12, с. 114–119; 13].

Если же рассматривать гражданское законодательство, то здесь понятие «потерпевший» может быть связано с фактом причинения вреда административным правонарушением, преступлением либо с действиями, не являющимися правонарушением.

Указанные выше обстоятельства свидетельствуют о том, что не только уголовно-процессуальное, но и административно-правовое или гражданско-правовое понимание понятия потерпевшего не может являться базовым для соответствующего виктимологического термина.

Таким образом, полагаем, что определяя объем понятия о жертве преступления в виктимологическом смысле, следует исходить из положений не процессуального, а материального права, которое является первичным и определяет наиболее существенные признаки жертвы, состоящие, прежде всего, в причинении вреда ее правам и интересам путем совершения противоправных деяний. Впрочем, и при таком подходе виктимологическое определение потерпевшего будет шире правового. Если рассматривать неоконченные преступления или преступления с формальными составами, то вред потерпевшим может фактически и не причиняться. В п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» при разрешении вопроса о признании лиц потерпевшими в подобных случаях судам предписывается выяснять, в чем конкретно выразился вред [14]. С учетом позиции Верховного Суда РФ в тех случаях, когда вред не причиняется, фигура потерпевшего в уголовном деле не возникает. Однако криминологов такое решение не удовлетворяет, поскольку все факторы, интересующие нас при изучении жертв преступления, имеют место и при неоконченных преступлениях, и при совершении посягательств, в составы которых законодатель по тем или иным соображениям не включил наступление общественно опасных последствий (например, при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительных органов, предусмотренном ст. 317 УК РФ).

В теории виктимологии нет однозначного подхода к тому, кого следует признавать жертвой преступления. Часть криминологов исходят из того, что таковой могут признаваться только физические лица. Другие относят к ним не только отдельных людей, но и их общности. Третьи расширяют круг жертв за счет таких институтов, как все общество, государство и даже международный порядок [5, с. 35; 15, с. 6–10].

Определение круга потерпевших чаще всего осуществляется криминологами на основе анализа положений ст. 42 УПК РФ, диспозиции статьей. Особенной части УК РФ [16, с. 17–26]. Однако такой подход нам представляется формальным, поскольку, указывая на лица или организации, которым причиняется вред, законодатель преследует цель

уточнения специфических признаков преступления. Полагаем, что виктимология, преследуя собственные интересы, не должна ограничиваться пределами, установленными законодателем.

Не вызывает сомнений общепринятое представление о том, что к числу жертв преступлений следует относить физических лиц, что подкрепляется ссылкой на солидный международный источник – Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. Пункт 1 Декларации определяет жертв как лиц, которым индивидуально или коллективно действием или бездействием, нарушающим национальный уголовный закон, был причинен ущерб [17, с. 165]. В п. 2 этой же Декларации указывается, что понятие жертвы может быть расширено за счет близких родственников или иждивенцев непосредственной жертвы, а также лиц, которым был причинен ущерб при попытке оказать помощь жертвам, находящимся в бедственном положении, или предотвратить виктимизацию. Аналогичное положение содержится и в п. 8 ст. 42 УПК РФ, где закреплено, что по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников.

Следует отметить, что с точки зрения охраны прав и свобод граждан отнесение к числу потерпевших близких лиц является, несомненно, необходимой мерой. Однако указание в УПК РФ на то, что такие лица не становятся потерпевшими, а лишь получают права таковых, свидетельствует о том, что с виктимологической точки зрения такая правовая манипуляция имеет весьма ограниченное практическое значение лишь в части возмещения причиненного преступлением ущерба [18, с. 70–75]. Между тем, наделяя близких лиц правами потерпевших, законодатель, прежде всего, преследует цель обеспечить непрерывность уголовного процесса. Потерпевшие получают ряд прав (например, на защиту) и обязанностей (давать показания). Однако поведение таких лиц в период, предшествующий совершению преступления, нас, как правило, не интересует, поскольку оно, строго говоря, не является виктимным, не оно спровоцировало преступление, не оно привлекло преступников, а изучение таких лиц вряд ли может пролить дополнительный свет на причины и условия совершаемых преступлений и меры по их предупреждению.

Если же говорить о коллективах лиц как о жертве, то в виктимологической литературе приводятся примеры виктимности отдельных социально-демографических групп (женщин, престарелых, инвалидов, молодежи и детей, мигрантов и т. п.) [19, с. 73–92]. Однако, на наш взгляд, груп-

повая виктимность не тождественна жертвам в виде коллективов лиц, упоминаемых в п. 1 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью. В последнем случае речь идет, по нашему мнению, именно о коллективах, т. е. связанных общими интересами, правами и обязанностями группах физических лиц. Например, пациентах больницы, членах трудовых коллективов, отдельных семьях и т. п.

В теории представлено мнение, что в круг виктимологического изучения необходимо включить и жертв — юридических лиц. Обосновывая его, П. А. Кабанов и Р. Р. Маргизов ссылаются на ст. 42 УПК РФ [15, с. 9]. Между тем, как мы показали выше, уголовно-процессуальное понятие потерпевшего не может быть основной для виктимологического определения жертвы.

Однако такой подход вызывает ряд вопросов, требующих теоретического осмысления. В. И. Полубинский, говоря о задачах виктимологии, видит их, в частности, в том, чтобы проявить закономерности упречного, отрицательного поведения пострадавшего, механизм его взаимоотношений с правонарушителем [18, с. 70–71]. Однако в какой мере мы можем говорить об упречном поведении юридического лица? А. О. Харитонов и Н. М. Александрина, исследовавшие виктимизацию юридических лиц (в терминологии авторов — корпоративную виктимизацию), характеризуют ее как процесс превращения юридического лица в жертву преступления, протекающий в форме виктимного поведения как отдельных представителей, так и группы лиц корпорации в условиях криминогенно-виктимогенного взаимодействия преступника и его жертвы и завершающийся причинением юридическому лицу вреда преступлением [20, с. 228–230]. Механизм процесса, приведенный в определении, понятен. Действительно, говоря о деятельности юридических лиц, мы подразумеваем исполнение ими договорных обязательств, осуществление деятельности в соответствии с уставом организации и прочее. Однако в криминологическом смысле имеют значение лишь действия сотрудников юридического лица, которые выполняют, не выполняют либо выполняют не в полном объеме предписанные трудовыми соглашениями действия, создающие условия для совершения преступлений против интересов юридического лица. В анализируемом же определении имеется терминологическая неточность, состоящая в том, что виктимным поведением обладает не только само юридическое лицо (в терминологии авторов — корпорация), но и отдельные его представители. Поскольку виктимное поведение — это поведение жертвы, то из приведенного определения следует, что жертвами в подобных случаях выступают не только юридические лица, но и работники. Однако это противоречит исходной посылке авторов.

Полагаем, что А. О. Харитонов и Н. М. Александрина имели в виду такое упречное поведение сотрудников, при котором юридическое лицо становится уязвимым для преступных посягательств. Далее авторы в качестве факторов виктимности корпораций приводят ряд обстоятельств, которые могут привести к противоположным выводам. По их мнению, корпорации становятся привлекательными в качестве жертв, если они обладают такими признаками, как наличие неконсолидированного пакета акций (что характерно для акционерных обществ); успешность бизнеса; наличие привлекательных активов; жесткая конкуренция на рынке; наличие конфликтов между участниками и акционерами; неконтролируемая кредиторская задолженность. Обращает на себя внимание то, что успешность бизнеса несовместима с упречным поведением сотрудников корпорации. Скорее наоборот — качественное выполнение обязанностей всеми сотрудниками является предпосылкой успешности бизнеса. Налицо парадокс — и плохое, и образцовое исполнение обязанностей сотрудниками корпорации одинаково могут сделать ее уязвимой для преступного воздействия. В какой-то мере сказанное распространяется и на такой фактор виктимности, как наличие привлекательных активов, поскольку формирование последних может быть связано с успешностью бизнеса.

Имеется еще один аспект виктимности юридических лиц, остающийся вне поля зрения исследователей. Жертвами большей части посягательств на интересы юридических лиц являются компании, осуществляющие предпринимательскую деятельность, основная цель которой состоит в извлечении прибыли. Поэтому в большинстве случаев причинения вреда страдают не только сами юридические лица, их имущественные права, но и стоящие за ними владельцы, акционеры и т. д. Например, члены преступного сообщества Матюшев, Жданов и Кулабухов путем использования ошибок в программном обеспечении незаконно получили доступ к реквизитам банковских карт множества граждан. Используя эти данные, они приобретали железнодорожные билеты, которые затем возвращали по украденным паспортам, обналичивая таким образом украденные со счетов граждан деньги [21]. В данном случае потерпевшими будут банки, чья компьютерная информация о реквизитах банковских карт стала известна злоумышленникам, и граждане, являющиеся владельцами этих карт. С точки зрения уголовного права имеет место совокупность преступлений, предусмотренных ст. 272 и 159.6 УК РФ, однако с позиций криминологии имеет место сложная преступная схема, в которой эти преступления являются неотъемлемыми звеньями единого замысла. Поэтому в данном случае мы можем говорить о смешанной виктимности, когда потерпевшими одновременно будут выступать и граждане, и юридические лица. Думаем, что в большинстве случаев посягательств на интересы коммерческих организаций имеет место смешанная виктимность.

Наконец, следует остановиться на точке зрения, согласно которой в качестве потерпевшего может выступать государство. Действующий УК РФ, равно как и предшествующие ему уголовные законы, предусматривает ответственность за посягательства против государства. К таковым, например, относятся преступления, включенные в раздел X УК РФ «Преступления против государственной власти», ряд экономических преступлений (например, налоговых) и т. д. Однако с криминологической точки зрения рассматривать государство в качестве жертвы мы считаем нецелесообразным. Полагаем, что криминологи не должны вмешиваться в политические процессы, порождающие такие преступления. Кроме того, соответствующие посягательства нередко порождаются непреклонной государственной политикой, как это происходит, к примеру с преступлениями террористического характера. Поэтому в таких случаях формулирование предложений по изменению государственной политики в интересах профилактики отдельных видов преступлений явно выходит за рамки предмета криминологии. Обратим внимание на то, что такие посягательства всегда связаны с причинением вреда организациям или физическим лицам, поэтому здесь, с точки зрения виктимологии, следует, как нам кажется, говорить о смешанной виктимности, а виктимологическая профилактика будет осуществляться в традиционных формах — устранением различных нарушений в организации деятельности предприятий и учреждений, их должностных лиц и т. п.

Таким образом, можно заключить, что понятия «жертва», «потерпевший» в виктимологии являются более широкими, чем в уголовно-процессуальном праве, и близки к понятию потерпевшего в уголовном праве. Жертвами преступлений могут выступать как физические, так и юридические лица. Признание государства жертвой преступления выходит за пределы предмета виктимологии и представляется нецелесообразным.

Пристатейный библиографический список

1. Этимологический словарь современного русского языка / сост. А. К. Шапашников : в 2 т. Т. 1. М. : Флинта : Наука, 2010.
2. Смирнов А. М. Виктимология сексуальных инверсий. М. : Юрлитинформ, 2012.
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 3. М. : РИПОЛ классик, 2006.
4. Бытко Ю. И., Бытко С. Ю. Сборник нормативных актов по уголовному праву России X—XX веков. Саратов : Изд-во СГАП, 2005.

5. Ривман Д. В. Криминальная виктимология. СПб. : Питер, 2002.
6. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе : Ирфон, 1977.
7. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. Т. 1. Общая часть. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юридическая литература, 2004.
8. Красиков А. Н. Сущность и значение согласия потерпевшего в советском уголовном праве. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976.
9. Шаров Д. В. соотношение уголовно-процессуального и уголовно-правового понятий потерпевшего: проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 79–81.
10. Актуальные проблемы виктимологии : учеб. пособие / О. А. Бойко, А. Н. Хоменко, Ю. С. Пестерева, В. В. Бражников. Омск : Омская юридическая академия, 2017.
11. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве – нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3. С. 64–71.
12. Бахрах Д. Н., Герман Е. С. Вопросы административно-процессуального статуса потерпевшего в производстве по делам об административных правонарушениях // Современное право. 2010. № 5. С. 114–119.
13. Новиков В. П. Физические и юридические лица как потерпевшие по делам об административных правонарушениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
14. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 (с изм. и доп. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 9.
15. Кабанов П. А., Маргизов Р. Р. Криминологическая виктимология : учеб. пособие. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018.
16. Сабитов Р. А. Соотношение понятий «потерпевший от преступления», «пострадавший от преступления» и «жертва преступления» // Виктимология. 2014. № 1. С. 17–26.
17. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью : принята Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985 // Международные акты о правах человека : сборник документов. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРАМ, 1998.
18. Полубинский В. И. Фундаментальные и прикладные начала

криминальной виктимологии. М.: ВНИИ МВД России, 2010.

19. Варчук Т. В., Вишневецкий К. В. Виктимология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

20. Харитонов А. О., Александрина Н. М. Системный подход к исследованию корпоративной виктимизации // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей IX Междунар. науч.-практ. конференции. 2017. С. 228–230.

21. Петров И. Крах «билетной мафии»: киберворам дали рекордные сроки [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/958391/ivan-petrov/krakh-biletnoi-mafii-kibervoram-dali-rekordnye-sroki> (дата обращения: 27.12.2019).

References

1. Etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka / sost. A. K. SHapashnikov : v 2 t. T. 1. М.: Flinta : Nauka, 2010. [Etymological dictionary of the modern Russian language / compound by A. K. Shapashnikov : in 2 volumes T. 1. М.: Flint: Nauka, 2010.]

2. Smirnov A. M. Viktimologiya seksual'nyh inversij. [Victimology of sexual inversions.] М.: YUritinform, 2012.

3. Dal' V. I. Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka: v 4 t. T. 3. [Dictionary of the living great Russian language: in 4 vols. V. 3.] М: RIPOL klassik, 2006.

4. Bytko YU. I., Bytko S. YU. Sbornik normativnyh aktov po ugovolnomu pravu Rossii X–XX vekov. [Collection of normative acts on the criminal law of Russia X – XX centuries.]

5. Rivman D. V. Kriminal'naya viktimologiya. [Criminal victimology.] SPb.: Piter, 2002.

6. Frank L. V. Poterpevschie ot prestupleniya i problemy sovetskoj viktimologii. [Victims of crime and problems of Soviet victimology.] Dushanbe: Irfon, 1977.

7. Naumov A. V. Rossijskoe ugovolnoe pravo : kurs lekcij : v 2 t. T. 1. Obshchaya chast'. 3-e izd., pererab. i dop. [Russian criminal law: lecture course: in 2 vols. T. 1. General part. 3rd ed., revised and enlarged] М.: YUridicheskaya literatura, 2004.

8. Krasikov A. N. Sushchnost' i znachenie soglasiya poterpevshego v sovetskom ugovolnom prave. [The essence and significance of the consent of the victim in Soviet criminal law.] Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1976.

9. SHarov D. V. sootnoshenie ugovolno-processual'nogo i ugovolno-pravovogo ponyatij poterpevshego: problemy i puti ih resheniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 7. S. 79-81. [Correlation of the criminal procedure and criminal law concepts of the victim: problems

and solutions // Herald of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. №. 7. P. 79-81.]

10. O. A. Bojko, A. N. Homenko, YU. S. Pestereva, V. V. Brazhnikov Aktual'nye problemy viktimologii : ucheb. posobie Omsk : Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2017. [Actual problems of victimology: tutorial. Omsk: Omsk Academy of Law, 2017.]

11. Lopashenko N. A. Administrativnoj preyudicii v ugolovnom prave – net! // Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. 2011. № 3. S. 64–71. [Administrative prejudice in criminal law - no! // Herald of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation. 2011. №. 3. P. 64–71.]

12. Bahrah D. N., German E. S. Voprosy administrativno-processual'nogo statusa poterpevshego v proizvodstve po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Sovremennoe pravo. 2010. № 5. S. 114–119. [Issues of the administrative and procedural status of the victim in administrative proceedings // Modern Law. 2010. №. 5. P. 114–119.]

13. Novikov V. P. Fizicheskie i yuridicheskie lica kak poterpevschie po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah : avtoref. dis. ... kand. yurid. Nauk. [Individuals and legal entities as victims of administrative offenses: authorial abstract of dissertation for candidate degree in legal sciences.] M., 2004.

14. O praktike primeneniya sudami norm, reglamentiruyushchih uchastie poterpevshego v ugolovnom sudoproizvodstve.: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.06.2010 № 17 (s izm. i dop. ot 16.05.2017) // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. 2010. № 9. [On the practice of the application by the courts of the rules governing the participation of the victim in criminal proceedings .: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2010 №. 17 (as amended and supplemented of May 16, 2017) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010. №. 9.]

15. Kabanov P. A., Margizov R. R. Kriminologicheskaya viktimologiya : ucheb. posobie. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. [Criminological victimology: tutorial. Kazan: Kazan Publishing House. University, 2018.]

16. Sabitov R. A. Sootnoshenie ponyatij «poterpevschij ot prestupleniya», «postradavshij ot prestupleniya» i «zhertva prestupleniya» // Viktimologiya. 2014. № 1. S. 17–26. [Correlation of the concepts of “victim of crime”, “injured person” and “victim” // Victimology. 2014. №. 1. P. 17–26.]

17. Deklaraciya osnovnyh principov pravosudiya dlya zhertv

prestupleniya i zloupotrebleniya vlast'yu: (prinyata Rezolyuciej 40/34 General'noj Assamblei OON ot 29.11.1985). // Mezhdunarodnye akty o pravah cheloveka : sbornik dokumentov M.: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRAМ, 1998. [Declaration of basic principles of justice for victims of crime and abuse of power: (adopted by Resolution 40/34 of the UN General Assembly of 11.29.1985). // International acts of human rights: a collection of documents M.: NORMA-INFRAМ Publishing Group, 1998.]

18. Polubinskij V. I. Fundamental'nye i prikladnye nachala kriminal'noj viktimologii. [M.: VNII MVD Rossii, 2010. [Fundamental and applied principles of criminal victimology. M.: All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.]

19. Varchuk T. V., Vishneveckij K. V. Viktimologiya. [Victimology] M.: YUNITI-DANA, 2017.

20. Haritonov A. O., Aleksandrina N. M. Sistemnyj podhod k issledovaniyu korporativnoj viktimizacii // Sovremennaya ekonomika: aktual'nye voprosy, dostizheniya i innovacii: sbornik statej IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konferencii. 2017. S. 228–230. [A systematic approach to the study of corporate victimization // Modern Economics: current issues, achievements and innovations: a collection of articles IX International. scientific prakt. Conferences. 2017. P. 228–230.]

21. Petrov I. Kraх «biletnoj mafii»: kibervoram dali rekordnye sroki [Elektronnyj resurs]. URL:<https://iz.ru/958391/ivan-petrov/krakh-biletnoi-mafii-kibervoram-dalirekordnye-sroki> (data obrashcheniya: 27.12.2019). [The collapse of the “ticket mafia”: cyber thieves were given record terms]